

В.В. КАФТАН*

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
КОНСТРУИРОВАНИЯ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРАКТИКАХ**

Аннотация. В статье раскрыты особенности создания, распространения и переформатирования антитеррористического дискурса. На основе различных концепций дискурса: гегемонии, дискурсивной борьбы, археологии знания, воображаемого становления общества, дискурс-строения – анализируются различные проявления антитеррористического дискурса в ходе информационно-политического противоборства между современными государствами. На конкретных примерах показана возможность формирования антитеррористического дискурса, представляющего собой совокупность деструктивных высказываний, использующих терроризм как средство управления общественным сознанием, в целях создания особой «террористической» картины мира.

Ключевые слова: дискурс; терроризм; антитеррористический дискурс; гегемония; эпистема; текст; спектакль.

Для цитирования: Кафтан В.В. Теоретические основания конструирования и репрезентации антитеррористического дискурса в современных социально-политических практиках // Политическая наука. – М., 2018. – № 4. – С. 107–123. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.06

---

* **Кафтан Виталий Викторович**, доктор философских наук, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ, e-mail: kaftanvit@mail.ru

Kaftan Vitaliy, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), e-mail: kaftanvit@mail.ru

© Кафтан В.В., 2018

DOI: 10.31249/poln/2018.04.06

V.V. Kaftan

Theoretical foundations of creation and representation of counterterrorism discourse in modern social and political practice

Abstract. The article discusses the peculiarities of creation, distribution and re-formatting of counterterrorism discourse. Based on various concepts of discourse (hegemony, discursive struggle, archeology of knowledge, imaginary formation of society, discourse-system) the author presents different manifestations of counterterrorism discourse in the course of the informational and political confrontation between states. By analyzing specific cases, he shows the possibility of creating a counterterrorism discourse which can be depicted as a set of destructive utterances that use terrorism as a tool influencing public conscience, in order to form a unique terrorist picture of the world.

Keywords: discourse; terrorism; counterterrorism discourse; hegemony; episteme; text; spectacle.

For citation: Kaftan V.V. Theoretical foundations of creation and representation of counterterrorism discourse in modern social and political practice // Political science (RU). – M., 2018. – N 4. – P. 107–123. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.06

Терроризм, будучи чрезвычайно многогранным и динамичным политическим явлением, постоянно меняет свою форму – выявить его сущность достаточно сложно. Опираясь на имеющиеся подходы к дефиниции терроризма, можно определить его как особым образом организованное насилие, вид социального действия, которое по своим политическим целям, средствам, способам и результатам является одной из форм ведения войны. Он представляет собой антиобщественную деятельность крайне агрессивных организованных и идеологически подготовленных субъектов с использованием метода устрашения [Кафтан, 2018, с. 150–151].

В последние годы терроризм предстает не столько формой подавления своих противников тоталитарными режимами или крайней степенью протеста деструктивных сил общества против государственной власти, сколько способом реализации различных глобалистских проектов, ведения мятеже-войн, асимметричных, гибридных вооруженных конфликтов, а также своего рода маркером, выделяющим в международной политике образ врага или друга [van Dijk, 2006, p. 370–371].

В связи с этим большой исследовательский интерес вызывает рассмотрение терроризма не исключительно в виде политической акции, но в роли сообщения, лингвокоммуникативной конструк-

ции, описывающей некую социально-политическую действительность и придающей ей определенные смысловые значения. Одним из способов такого означивания выступает антитеррористический дискурс.

* * *

На характер инициирования и протекания современных политических конфликтов оказывает большое влияние создание все новых информационно-коммуникативных технологий, которые в условиях становления информационного общества превращают столкновение между различными политическими силами в противоборство дискурсов. По мнению М. Фуко, «дискурс – а этому не перестает учить нас история – это не просто то, через что являют себя миру битвы и системы подчинения, но и то, ради чего сражаются, то, чем сражаются, власть, которой стремятся завладеть» [Фуко, 1996, с. 52]. У вступающих в конфликт социально-политических сил имеется стремление хотя бы частично обуздать «бурление дискурса» для актуализации воздействия на широкую аудиторию.

Как полагал философ-постструктуралист Р. Барт, власть – это и есть сама языковая деятельность: «Любой естественный язык определяется не столько тем, что он позволяет говорящему сказать, сколько тем, что он понуждает его сказать. Говорить или тем более рассуждать вовсе не значит вступать в коммуникативный акт (как нередко приходится слышать); это значит подчинять себе слушающего: весь язык целиком есть общеобязательная форма принуждения» [Барт, 1989, с. 550].

Имеется множество значений дискурса, но следует зафиксировать в рамках предмета нашего исследования одно, согласно которому дискурс – это совокупность устных и письменных высказываний (текстов в широком смысле), а также организация системы речи, подтвержденная исторически и социально, это определенные правила, создаваемые людьми в разнообразных политических и социальных практиках (в политической деятельности, области социального взаимодействия, экономике, массмедиа), в соответствии с которыми социальная реальность подразделяется и репрезентируется в те или иные отрезки времени, обуславливая

тем самым тематику дискурса, а также соответствующие социальные структуры.

Опираясь на идеи философа-постмодерниста Ж. Делёза, можно представить деятельность по конструированию дискурса как совокупность взаимосвязанных утверждений: денотации, манифестации, сигнификации и специального события [Делёз, 1998, с. 22–26]. Проиллюстрируем этапы создания антитеррористического дискурса в политическом пространстве на примере «инцидента в Солсбери».

1. *Денотация* (от лат. *de* – порознь, отмена и *noto* – отмечаю, обозначаю; т.е. явное значение языковой формы) представляет собой конструирование текста, который утверждает некий смысл сообщения. *Текст* (от лат. *textus* – ткань, соединение [слов]) в свою очередь выступает семиотическим (символически организованным) и семантическим (организуемым с помощью языка, письменности) пространством. Текст как связный знаковый комплекс, по мнению М.М. Бахтина, является уникальной, неповторимой и единственной формой заявления о себе, обнаружения себя вовне «мыслящей субстанцией» [Бахтин, 1979, с. 82–83].

4 марта 2018 г. в Великобритании, в г. Солсбери, с признаками отравления были найдены бывший российский разведчик С.В. Скрипаль, осужденный за измену и обменанный впоследствии на арестованных в России американских шпионов, и его дочь Юлия. В западных агентствах информации появилось огромное количество статей с различными версиями случившегося, в которых постепенно на роль главного обвиняемого была выдвинута Россия. Якобы именно у российских спецслужб имелся устойчивый мотив (наказание предателя), намерение (запугивание возможных перебежчиков) и эффективное средство осуществления теракта (нервно-паралитический газ). Текст, конструируемый политиками и репрезентируемый в средствах массовой коммуникации, направлен на осуществление цели антитеррористического дискурса – убеждение аудитории в правоте представленной политической позиции.

2. *Манифестация* (от лат. *manifestatio* – проявление; т.е. публичное выступление) представляет собой взаимоотношения, которые возникают между субъектом дискурса и его посланием аудитории. Манифест (от лат. *manifestum* – призыв) – это воззвание, оглашающее определенную мировоззренческую позицию личности (группы) в форме декларации некоторых утверждений.

12 марта премьер-министр Великобритании Т. Мэй в своем выступлении в Палате общин заявила, ссылаясь на экспертов из военной химической лаборатории в Портон-Дауне, находящемся в нескольких милях от Солсбери, что жертвы оказались отравлены боевым отравляющим нервно-паралитическим веществом «Новичок», разработанным в России, и что Россия «с большой долей вероятности» (англ. *«highly likely»*) вовлечена в инцидент. В ультимативной форме она потребовала от России в течение суток представить «правдоподобные объяснения» инцидента, угрожая возможными санкциями. Спустя два дня глава кабинета официально обвинила Россию в попытке убийства Скрипалей, а на заседании СБ ООН британский представитель назвал Россию нарушителем Конвенции о запрещении химического оружия.

3. *Сигнификация* (от лат. *significatum* – значимое; т.е. наделение знаков общения определенными смыслами) выстраивает связную систему отношений между различными утверждениями.

22 марта на брифинге в посольстве Великобритании в Москве 80 представителям иностранных посольств была представлена презентация с «фактами» террористической по своей сути агрессии российского государства. В списке из 12 «доказательств» фигурировала следующая ретроспектива событий: убийство в 2006 г. Александра Литвиненко, DDoS-атаки на виртуальное пространство Эстонии в 2007 г., вторжение в Грузию в 2008 г., оккупация Крыма и дестабилизация на Украине. Вместе с этим Россия якобы «сбила “Боинг” рейса МН-17 над Донбассом, взломала компьютерные сети Бундестага, вмешивалась в американские выборы, попыталась организовать переворот в Черногории, осуществила кибератаку на Министерство обороны Дании, распространила вирус-вымогатель NotPetya» и, наконец, отравила отца и дочь Скрипалей в марте 2018 г. [Опубликована презентация... 2018]. Презентация не содержала каких-либо новых фактов, представляла собой произвольным образом скомпонованный набор тем, своего рода бриколаж¹, но в ней статус РФ из «с высокой долей вероятности»

---

¹ Бриколаж (от фр. *le bricoleur* – «домашний умелец») – мастер – «умелые руки», способный с помощью подручных средств устранить неполадку. По мнению этнолога К. Леви-Строса, бриколаж присущ первобытному мышлению и означает способность к преобразованию значения объектов или символов посредством нового использования или нестандартных переделок несвязанных вещей.

виновной стороны был переквалифицирован на виновную «без малейшего сомнения».

4. *Специальное событие* выступает своеобразным итогом создания текста, декларации призыва и означивания. В ходе его реализации происходит трансляция аудитории собственных ценностей, идей, сообщений в интересах ее приобщения к социально-политическим, духовно-религиозным мировоззренческим основам и общим принципам.

Антитеррористический дискурс обладает важным качеством *перформативности*¹, что означает использование зрелищности. С точки зрения Э. Ги Дебора, современный этап развития социума характеризуется возникновением «общества Спектакля», «шоу-политики», конструируемого средствами массовой информации; аудитория воспринимает его как подлинную действительность. Спектакль сегодня поглощает собой все: политику, войну, человеческие отношения, он деформирует реальность по своему подобию, он является проявлением коллективной психики западного общества. В устойчивом сюжете о террористах персонажи, говоря словами Дебора, в прямом эфире на экране телевизоров «превращались то в лис, чтобы поймать свою добычу, то во львов, чтобы никого не бояться, пока жертва находится у них в лапах, то в баранов» [Дебор, 1999, с. 8].

С помощью специальных событий в публичном пространстве происходит создание, означивание и придание смысла различным дискурсам.

26 марта в знак солидарности с Великобританией по «делу Скрипаля» Канада, Германия, Франция, Польша и около двух десятков европейских государств скоординированными совместными усилиями реализовали дипломатический демарш, объявив о высылке из своих стран российских дипломатов. Если большинство стран ограничилось высылкой от одного до четырех дипломатов (Великобритания – 23), то США приняли решение о высылке 60 посольских работников, в том числе и 12 дипломатов из российского представительства в ООН. Персонами нон грата объявлены в общей слож-

---

¹ Перформанс (от англ. *performance* – исполнение) – современная форма акционистского искусства, представляющего публике живые композиции с символическими атрибутами, жестами и позами, направленная на активизацию архетипов коллективного бессознательного публики. По сути, перформанс – современная форма спонтанного уличного театра.

ности более 130 человек. Демарш сопровождался выступлениями министров иностранных дел и брифингами и интервью послов указанных стран. Так, посол США Д. Хансман в своем интервью корреспонденту «Коммерсантъ» Е. Черненко заявил, что это «ответ на безрассудное нападение с применением боевого вещества нервно-паралитического воздействия» на территории Великобритании, «нашего лучшего друга и союзника», и что за свою жизнь он «не видел столь четко скоординированного и комплексного ответа на подобный инцидент». Обвинив РФ в распространении «моря дезинформации», он отметил, что «в этой ситуации мы должны были полагаться на собственный объективный анализ имеющихся у Великобритании фактов и проведенное британцами тщательное расследование» [США и Европа разошлись позициями, 2018].

Таким образом, в антитеррористическом дискурсе с названием «инцидент Скрипалей» на этапе денотации СМИ была подготовлена почва для восприятия общественным мнением этого происшествия как теракта России, на этапе манифестации политическим руководством Великобритании были выдвинуты ультимативные требования в добровольном признании вины, на этапе сигнификации обвинения были подкреплены набором «фактов», а на заключительном этапе, в ходе специального события на международном уровне, сделана попытка окончательно признать Россию ответственной за попытку убийства своих граждан с помощью оружия массового уничтожения на территории Европы и поставить ее в условия международной изоляции. Следует отметить, что на всех этапах конструирования этого дискурса политические акторы опирались не на четкую систему доказательств, а на предположения о возможной причастности – *highly likely*.

В качестве теоретического основания репрезентации антитеррористического дискурса могут выступать некоторые концептуальные идеи дискурс-анализа, имеющие не узколингвистический, а более широкий социально-гуманитарный характер, к числу которых относятся концепции гегемонии, дискурсивной борьбы, археологии знания, воображаемого установления общества и дискурс-строения [Филлипс, Йоргенсен, 2004]. Ниже мы рассмотрим указанные концепции, сопроводив их соответствующими примерами из современной политической практики.

Концепция гегемонии. По мнению итальянского философа-неомарксиста А. Грамши, стабильность государственного развития

обусловлена не только ставкой на силу (принуждение), но и в гораздо большей мере на согласие (гегемонию). Гегемония представляет собой особый динамичный микропроцесс, направленный на постепенное изменение, малыми порциями, мнений и настроений в сознании отдельно взятого человека в интересах власти [Грамши, 1991, с. 75–77].

Гегемония базируется на культурно-ценностном ядре политического режима, «коллективной воле», – комплексе традиций и опыта, знания о человеке и мире, позволяющих различать добро и зло, символы и образы бытия. До тех пор, пока ядро прочно и неизменно, государство стабильно. Разрушение ядра и подрыв коллективной воли ведут к революции.

Важное место в культурно-ценностном ядре занимает мифология, особое пространство, в рамках которого людские массы «организуются», осознают свои собственные позиции, борются за свои интересы. Р. Барт считал, что миф выступает коммуникативной системой, в которой содержание (смысл) подменяется формой, «похищенным языком», заменяющим означающее означаемым [Барт, 1989, с. 37]. Инициация и распространение идеологий и мифов, установление или разрушение гегемонии – основная сфера деятельности интеллигенции.

Так, представитель египетской интеллигенции Сейид Кутб, поэт, журналист и педагог, столкнувшись во время командировки в США (конец 1940-х – начало 1950-х годов) с американским образом жизни – добрачными и внебрачными половыми отношениями, эмансипацией женщин, совместным обучением мальчиков и девочек в школах, участием в воспитании будущих мужчин учительниц, заявил о торжестве в современном мире *джахилийи* (духовного невежества). По возвращении в Египет он примкнул к ассоциации «Братья-мусульмане» и впоследствии стал ее идейным вдохновителем.

В своей книге «Вехи на пути» Кутб создал *салафитский* (т.е. фундаменталистский) миф об универсальной исламской космической системе, за восстановление которой готовые к самопожертвованию революционеры – «братья-мусульмане» должны повести борьбу с миром *джахилийи*. К нему он относит и мусульман, поддавшихся влиянию западных ценностей и тем самым ставших «неверными». Так в исламистском терроре под видом освобождения «правверных», страдающих от господства «поработивших» их

«неверных», происходит санкционирование уничтожения невинных людей.

Концепция дискурсивной борьбы. Э. Лакло и Ш. Муфф в книге «Гегемония и социалистическая стратегия» критически рассматривают теорию гегемонии А. Грамши, выдвигая идею о том, что всю область социального можно представить некоей рыболовной сетью, состоящей из узелков-знаков, приобретающих значения с помощью дискурса.

Под дискурсом здесь понимается определенный способ общения и восприятия социального мира. Разные дискурсы находятся в постоянной борьбе друг с другом, стремясь зафиксировать в языке определенное значение тех или иных высказываний [Laclau, Mouffe, 1985, p. 11–13].

Данный подход созвучен идеям французского философа-неофрейдиста Ж. Лакана, который, по словам С. Жижека, утверждал, что в идеологическом пространстве имеются «плавающие означающие», например, «свобода», «равенство», «братство», которые не имеют устойчивого смысла, и смысл может меняться от «пристегивания» к нему сильного означающего [Жижек, 1999, с. 93].

При появлении в этом пространстве сильного означающего, например «коммунизма», остальные означающие получают «коммунистическую» трактовку, т.е. выстраивается вполне завершенная и понятная картина мира. В такой картине мира свобода означает преодоление капиталистической эксплуатации, за равенство ратовала буржуазия в своей борьбе с аристократией, государство – аппарат насилия одного класса над другим, при рыночном обмене невозможно справедливое распределение и т.д.

Точно так же пристегивание любого другого означающего, «консервативного» или «либерального», выстраивает совершенно другие смыслы, кардинально меняя при этом восприятие социального бытия.

Если продолжить аналогию с рыбацкой сетью, то необходимо сказать, что люди постоянно пытаются фиксировать значения знаков на сети, размещая их в определенных отношениях к другим знакам (артикуляция), однако полное их закрепление невозможно, поскольку эта зависимость всегда условна. В этом пространстве идет постоянная «борьба» за определенный способ фиксирования указанных значений, т.е. за дискурс.

Сегодня в различных дискурсах специальным образом трактуется понятие «государство – спонсор терроризма». Каждый из конкурирующих дискурсов стремится наделить это понятие, выступающее «изменчивым знаком»¹, собственным содержанием и исключить другие возможные интерпретации смысла.

После террористической атаки на башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. США стремились срочно найти или назначить виновного, чтобы успокоить общественное мнение в стране и продемонстрировать миру свои возможности в нанесении ответного удара. Государственному секретарю США К. Райс пришлось в интенсивном режиме переезжать из одной страны в другую и путем давления и угроз, руководствуясь принципом «кто не с нами – тот против нас», создавать масштабную поддержку на международной арене американским антитеррористическим операциям. На роль «вселенского зла» был назначен Афганистан, объявленный «государством – спонсором терроризма», однако такой выбор не был должным образом обоснован. Так, ни одного из представителей этой страны не было на четырех самолетах среди «всадников Апокалипсиса» – в отличие от граждан Саудовской Аравии, официального союзника США, которых было 15 из 19 человек. Режим афганских талибов, хоть и не имел прямого отношения к теракту, был обвинен в укрывательстве У. бен Ладена, назначенного главным организатором этого события лишь на основе его противоречивых заявлений в видеообращениях. Впоследствии государствами – спонсорами терроризма для нахождения *casus belli* и легитимации военных операций в глазах мирового сообщества последовательно назначались Ирак, Ливия, Сирия.

В последнее время фиксируются попытки «назначить» на роль спонсора терроризма и Россию. Так, во время начала гражданской войны на Донбассе в своем интервью радио LRT 20 ноября 2014 г. президент Литвы Д. Грибаускайте назвала Россию «террористическим государством»: «Украина сегодня борется за мир во всей Европе, за всех нас. Если террористическое государство, которое осуществляет агрессию против своего соседа, не остановить, то агрессия может распространиться по Европе и

---

¹ *Изменчивые знаки* – это знаки, за изменение значения которых идет постоянная борьба между различными дискурсами в целях навязывания (кристаллизации) определенного, «своего» смысла.

далее» [Президент Литвы... 2014]. С подачи новой власти Украины появился расхожий штамп для обозначения вооруженных сил самопровозглашенных республик ДНР и ЛНР – «российские оккупационно-террористические войска».

Итак, согласно концепции дискурсивной борьбы между различными политическими силами, преследующими свои интересы, идет постоянное противоборство за ключевые термины, отражающие восприятие аудиторией политических событий.

Концепция археологии знания. М. Фуко, исходя из его понимания мышления как языкового феномена, соотносит деятельность людей с их «речевыми», т.е. *дискурсивными практиками*, представляющими собой особый социальный «мир дискурса», «совокупность анонимных, исторических, детерминированных всегда временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания» [Фуко, 1996, с. 28].

Упомянутые Фуко правила получили название эпистемы. *Эпистема* (от др. греч. *ἐπιστήμη* – знание) – мыслительная и лингвистическая «структура прежде всех других структур», согласно законам которой создаются, «конституируются» и функционируют другие социальные структуры. Она обуславливает возможность определенных социальных взглядов, концепций («языковой код») в тот или иной исторический период, и основана на формировании определенного доминирующего дискурса, определяющего способ, которым мир представляется или «видится» социальными субъектами как участниками социальных практик [Ильин, 1996, с. 60–62].

В сегодняшней речевой практике эпистема воплощается в виде строгого определенного кода – свода предписаний и запретов (дискурсивная формация). Эта языковая норма бесконтрольно предугадывает языковое поведение, а затем и мышление индивидов; происходит установление гегемонии определенного видения мира, его «колонизация».

Любое высказывание, согласно Фуко, не простая последовательность знаков, а элемент когнитивной конструкции, на которую соответствующая дискурсивная практика, понимаемая как система ограничений, накладывает, исходя из определенной идеологической позиции, определенные ограничения смысла.

Все другие высказывания, несущие определенный смысл в политической деятельности, СМИ, обыденной жизни, но по содержанию и идеологии не соответствующие главной теме дискурса, будут просто не замечены или проигнорированы большей частью аудитории.

В ночь на 14 апреля 2018 г. самолетами и кораблями США, Великобритании и Франции был нанесен ракетный удар 103 крылатыми ракетами по объектам военной и гражданской инфраструктуры Сирии. Поводом для нанесения удара стал инцидент 7 апреля в сирийском городе Дума, где, по утверждениям неправительственных организаций, в том числе имеющей весьма неоднозначную репутацию организации «Белые каски», сирийской армией было применено химическое оружие против гражданских лиц. Заявления были проиллюстрированы видеосюжетом, в котором детей и взрослых обливают водой, якобы в целях оказания первой помощи от поражения хлором.

19 апреля в разговоре с главой Китая Си Цзиньпином премьер-министр Великобритании Т. Мэй, согласно коммюнике, опубликованному пресс-службой ее канцелярии, заявила: «Наши удары были пропорциональными, законными, совершенными ответственно, и они были нацелены на *облегчение гуманитарных страданий*» [Тереза Мэй... 2018].

Таким образом, дискурсивная эпистема в данном событии проявляется в формировании в СМИ потока транслируемых событий: видеосюжет «Белых касок» – нанесение ракетного удара – обоснование «гуманитарных бомбежек». Все альтернативные дискурсы, выходящие за рамки имеющейся эпистемы, искусственно маргинализируются и признаются не имеющими достаточного обоснования.

Концепция воображаемого установления общества. По мнению французского мыслителя греческого происхождения К. Касториадиса, само общество существует благодаря созданию социальных воображаемых означиваний вещей, идей, смыслов. В ходе получения жизненного опыта человек становится подвластен воображаемым творениям, создаваемым в языке, воспринимаемая их как нечто «естественное», «объективно» данное, непреложное и неизменное.

Касториадис призывает различать в дискурсе «хозяев», которые с помощью языка активно создают и осваивают мир, и

«слуг», которые «бредут» по языковому миру, построенному другими: «воспроизведение индивидом сети, созданной другими индивидами и вещами, подразумевает, что сам он обретает в этой сети некое место, что он в нее вплетается» [Касториадис, 2003, с. 25–26].

Дискурс представляет собой символическую действительность, «возможный мир» со своими идеологически ориентированными социальными законами и правилами поведения. В современных условиях даже моральные правила объявляются частью символической реальности, которая может динамично меняться. Э. Энском полагает, что поскольку мораль долженствования являлась частью иудеохристианской традиции, в современном секулярном обществе этика утрачивает однозначное различие добра и зла, следовательно, сегодня можно оправдать любые действия и даже убийство невинных во имя некоей назначенной быть великой цели [Энском, 2008, с. 88–91].

Иллюстрацией представленной концепции может вновь стать означивание сирийских событий. Так, в ходе вооруженного конфликта в Сирии в западных СМИ правительственные силы, с тяжелыми боями освобождающие от террористов захваченные ими города и поселки, объявляются преступниками, подвергающими своих сограждан обстрелам из тяжелой техники и бомбежкам с использованием химического оружия. А боевики, не раз уличенные в массовых убийствах мирного населения и даже поедании на камеру сердца поверженного солдата, объявляются «борцами за свободу» от тиранического режима Б. Асада.

Концепция дискурс-строя. Автор понятия «дискурс-строй» Н. Фэркло основывается на исследованиях социальных полей П. Бурдьё, согласно которым в каждом из социальных подпространств – экономическом, политическом, культурном – идет борьба между социальными акторами за обладание соответствующим видом капитала; при этом особое значение имеет символический капитал, представляющий собой имидж, репутацию, признание, доверие. Обладание им означает возможность контроля над общественным мнением, возможность приписывания смыслов. Символический капитал может быть свободно конвертирован в другие виды капитала [Bourdieu, 1993].

Фэркло полагает, что власть дискурса не является абсолютной, это лишь одна из множества социальных практик, которая

находится в диалектических отношениях с другими социальными измерениями. Так, дискурсивные практики СМИ участвуют в образовании новых форм политики, однако сами дискурсивные практики подвержены влиянию социальных сил не дискурсивного характера (таких как структура политической системы и институциональная структура СМИ). «Дискурсивное формирование общества вызвано отнюдь не свободной игрой идей в головах людей. Это следствие их социальной практики, которая глубоко укоренена и сориентирована на реальные, материальные социальные структуры» [Fairclough, 1992, p. 66].

Исследователь выводит два объекта дискурса: *коммуникативное событие* – отдельный случай использования языка (сообщение в конкретном средстве коммуникации) и *дискурс-строй* – совокупность серийных дискурсов определенной социально-политической области. Так, средства массовой коммуникации в целях поддержания социального порядка или, напротив, изменений создают дискурсы в определенном контексте, репрезентируют их и воздействуют на интерпретацию тех или иных дискурсов аудиторией.

Дискурс-анализ, согласно Фэркло, должен быть направлен на исследование отдельных случаев использования языка (анализ коммуникативного события относительно порядка дискурса) во взаимосвязи с «сетью» других *текстов, дискурсивной практикой* (производством и потреблением текстов) и *социальным контекстом*.

В качестве примера дискурс-строя можно проанализировать содержание некоторых художественных фильмов о борьбе с терроризмом.

Фильм «Цель номер один» американского режиссера К. Бигелоу (2012) основан на событиях, связанных с ликвидацией У. бен Ладена 2 мая 2011 г. Героиня фильма Майя одержима поисками «главного террориста современности», его устранение было ее единственным стремлением со времен колледжа, когда девушка была завербована в ЦРУ. Именно она приведет свою страну через 10 лет поисков к победе – устранению «самого опасного человека в мире», но является ли победа окончательной, остается неясным (само имя героини – Майя переводится с санскрита как «иллюзия»). Следует признать, что фильм «Цель номер один» – самое веское на сегодняшний день (при отсутствии предъявленного

тела бен Ладена) доказательство того, что ликвидация этой самой цели не является всеобщей иллюзией.

В картине пытки задержанных по всему миру террористов сотрудниками ЦРУ показаны как уродливое, грязное, но необходимое дело, которое позволяет достичь поставленной цели и защитить Америку. При взятии дома-крепости, в которой укрывался бен Ладен, американские спецназовцы расстреливают не только террористов на глазах их детей, но и случайно убивают нескольких женщин и детей, перешагивают через них и продолжают поиск своей цели. На заключительных минутах фильма возникает вопрос: существуют ли вообще какие-либо моральные ограничения в террористической войне или позволительно все, что может привести к победе?

«Всевидящее око» – фильм режиссера Г. Худа (Великобритания, ЮАР) 2015 г. повествует о возможностях английского командования с помощью американских беспилотников-дронов наносить авиационные удары по ячейкам террористов, укрывающихся в Кении. Но с развитием новых технологий появляются и значительные проблемы. Времена, когда воины сражались на поле битвы и с помощью своей отваги, смелости и храбрости побеждали врага, остались в далеком прошлом – теперь солдату можно нажимать на кнопки и наносить разрушительные удары, сидя в удобном кресле в тысячах километров от места сражения. Жизни людей при этом оказываются обычными цифрами в отчете, а смерть невинного человека – сопутствующим ущербом по принципу «цель оправдывает средства».

В фильме военное и дипломатическое руководство, женщина – полковник английской армии, операторы крылатой машины, следуя бюрократическим инструкциям, погружены в дискуссию о политической и юридической правомерности атаки и вынуждены принимать моральное решение – необходимо ли нанести смертельный удар по бывшей гражданке Великобритании (нынешнему лидеру террористов) и ее подручным, готовящимся к масштабному теракту, или ракетный залп следует отложить, потому что в зону сплошного поражения попадает случайная жертва – маленькая африканка, продающая лепешки. Один из британских военнослужащих заявляет: «Никогда не говори солдату, что он не знает цену войны».

Следование концепции дискурс-строга позволяет в ходе серийного распространения разнородных дискурсов (статей в СМИ, высказываний лидеров мнений, произведений культуры) сформиро-

ровать у аудитории видимость собственного подбора источников и избрания собственной позиции относительно террористических проявлений и определения «правых» и «виноватых»; политические акторы при использовании такого подхода приобретают собственный символический капитал, кредит доверия на дальнейшую реализацию своей политической линии.

* * *

Антитеррористический дискурс сегодня является не только эффективным средством мобилизации общественности на противостояние конкретной террористической угрозе и разрушения планов террористов по насаждению страха и ужаса для дестабилизации власти, но и удобным информационно-коммуникативным инструментом реализации стратегических целей политическими акторами в ходе информационно-политического противоборства между государствами на международной арене.

Рассмотренные концепции, на которых может базироваться репрезентация антитеррористического дискурса, позволяют представить его в том числе как совокупность деструктивных высказываний, использующих терроризм в качестве средства управления общественным сознанием, в целях создания особой «террористической» картины мира с помощью современных информационно-коммуникативных технологий и лингвистических политических практик.

Список литературы

- Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
- Барт Р.* Миф сегодня // Барт Р. Мифологии. – М.: Академический проект, 2008. – С. 265–323.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
- Буш обвинил коммунистов в гибели ста миллионов человек // Новая газета. – М., 2007. – 13 июня. – Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/news/2007/06/13/14389-bush-obvinil-kommunistov-v-gibeli-sta-millionov-chelovek> (Дата посещения: 1.06.2018.)
- Грамиш А.* Тюремные тетради: В 3 ч. – М.: Политиздат, 1991. – Ч. 1. – 560 с.
- Дебор Г.* Общество спектакля / Пер. с фр. – М.: Логос, 1999. – 224 с.

- Делёз Ж.* Логика смысла; *Фуко М.* *Theatrum philosophicum*. – М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.
- Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. – М.: Художественный журнал, 1999. – 234 с.
- Ильин И.П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 252 с.
- Касториadis К.* Воображаемое установление общества. – М.: Гнозис: Логос, 2003. – 480 с.
- Кафтан В.В.* Террор и антитеррор в условиях глобализации. – М.: КноРус, 2018. – 400 с.
- Опубликована презентация британского посольства по делу Скрипаля // Lenta.ru. – М., 2018. – 27 марта. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2018/03/27/present/> (Дата посещения: 1.06.2018.)
- Президент Буш о Ливане. Редакционный комментарий, отражающий точку зрения правительства США // Голос Америки. – 2006. – 12 августа. – Режим доступа: <https://www.golos-ameriki.ru/a/a-33-2006-08-12-voa3/655559.html> (Дата посещения: 1.06.2018.)
- Президент Литвы назвала Россию террористическим государством // Информационное агентство Delfi.lt. – 2014. – 21 ноября. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/sngbaltia/20141121/224410374.html> (Дата посещения: 1.06.2018.)
- США и Европа разошлись позициями // Коммерсантъ. – 2018. – 28 мая. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3642468> (Дата посещения: 29.09.2018.)
- Тереза Мэй: Ракетный удар по Сирии был законным и достиг своей цели // ВВС. Русская служба. – 2018. – 14 апр. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-43769976> (Дата посещения: 1.06.2018.)
- Украинский министр предложил сжечь Москву в ответ на убийство Бабченко // Lenta.ru. – 2018. – 30 мая. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2018/05/30/omelyan/> (Дата посещения: 1.06.2018.)
- Филлипс Л., Йоргенсен М.В.* Дискурс-анализ: Теория и метод. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004. – 336 с.
- Фуко М.* Археология знания. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
- Фуко М.* Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
- Энском Э.* Современная философия морали // Логос. – М., 2008. – № 1. – С. 70–91. «Это ответ на безрассудное нападение»: Посол США в Москве – о высылке российских дипломатов // Коммерсантъ. – М., 2018. – 26 марта. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3585482?from=doc_vrez (Дата посещения: 3.07.2018.)
- Bourdieu P.* Language and symbolic power. – Cambridge, MA: Harvard univ. press, 1993. – 320 p.
- Fairclough N.* Discourse and social change. – Cambridge: Polity press, 1992. – 269 p.
- Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and socialist strategy. Towards a radical democratic politics. – L.: Verso, 1985. – 206 p.
- van Dijk T.* Discourse and manipulation // Discourse & Society. – L., 2006. – Vol. 17, Iss. 3. – P. 359–383.